

ГЛАВА 1

Небо было темным, без единой звезды. Ничего невозможно было увидеть, даже если вглядываться подолгу. Парень накинул капюшон, укрываясь от ветра. Будь он обычным жителем, надел бы яркую, расшитую узорами одежду и смешался с толпой. Когда-нибудь он так и сделает. Но точно не сегодня, когда нужно было раствориться во мгле.

Обычно света луны, прозванной здесь серебряным солнцем, хватало: он служил Ночному Базару не хуже, чем миру людей служит солнечный свет. Но наступило новолуние, и серебряный серп исчез, оставив небо в абсолютной тьме. Говорят, в такие дни Ночной Базар уязвим, но никто никогда не узнает, правда ли это.

Впрочем, одному из жителей Ночного Базара отсутствие серебряного солнца не мешало делать свою работу. Он привык к воровству. Привык к тому, что забирают не у него, а он. К тому, что никто не может солгать ему, глядя в глаза, а вот

он пользуется ложью каждый день, словно мастер — проверенным инструментом.

Парень шестнадцати лет проскальзывал сквозь толпу Ночного Базара. Его не замечали, если он не желал. Ночной Базар носил свое название не просто так. Этому миру, где безостановочно велась торговля и продавалось абсолютно все — и далеко не только вещи и драгоценности, — покровительствовали ночь и тьма, видеть через которую могут немногие. И люди никогда не входили в их число.

Юноша достал из кармана небольшой нож, который удобно помещался в ладони. Нож был старым. Рукоять, убранная кожей, потерлась, а некогда яркие затейливые рисунки с узорами, что ее украшали, давно потеряли цвет и четкие очертания. Кончик ножа был отломан, поэтому как оружие он не годился. Зато незатейливое полотно разрезал с первого раза и служил юноше верным помощником в воровских делах.

Послышался шорох. Парень затаился, надеясь, что это бежит какой-то зверек, а не кто-то крадется сзади, желая нарушить планы. Вдалеке, над одним из сотен шатров, погас фонарик, освещающий магической энергией лавку, — значит, где-то только что совершилась сделка. Повеяло сушеным имбирем, шорох стих.

Лезвие прошлошь вдоль ткани небольшого потертого временем мешочка, который был прикреплен прочными нитками на поясе стоящего рядом существа. Материя разошлась, и на ладони парнишки оказался круглый плоский кулон. На первый взгляд он походил на золотую монету, но, присмотревшись, можно было увидеть, что корпус разъединен надвое, а между половинками, будто соединяя их и не давая кулону расколоться, вставлен крохотный красный камень.

Владелец кошелька-мешочка не обернулся и не пророчил ни слова, и юный вор поспешил удалиться, пока пропажу не обнаружили.

Юного вора звали Каз. И только что карманы очередного торговца опустели от его рук.

Смешавшись с толпой, Каз вышел в самый центр Ночного Базара, не вынимая рук из карманов и пряча лицо в объемный темный капюшон. Несмотря на новолуние и кромешную темноту, жители не желали сидеть по домам — наоборот, казалось, что сегодня на улице народу даже больше, чем обычно.

— Эй, пацан! Прочь с дороги! — крикнул Казу маг, кативший телегу, заполненную доверху новым товаром. — И так ни зги не видно, еще и ты под ногами мешаешься.

Парень не хотел, чтобы содержимое повозки рухнуло на него, и быстро отскочил. Проходя мимо, маг недобро посмотрел на Каза, сверкнув янтарно-алыми глазами, и покатил телегу дальше.

Каждому магу от рождения дана отличительная черта — уникальность, которую невозможно скрыть и которая составляет предмет гордости. Чуть ли не половина Ночного Базара заполнена магами, и каждый умеет делать то, чего не умеет другой. Кто-то готовит снадобья, чтобы переправлять с проходниками и продавать людям, готовым отдать что угодно за свои желания. Кто-то делает амулеты или обереги. Иногда настоящие, иногда нет. Все равно люди верят любой вещи из Ночного Базара — сокрытого от них места, о котором ходят лишь легенды и в котором не может побывать ни один человек.

Но Каз был человеком и жил в Ночном Базаре столько, сколько себя помнил.

Парень развернулся и поспешил обратиться с площади, где скопилось слишком много народу, чтобы не нарваться на неприятности. Стоило сделать шаг, как в плечо влетело что-то тяжелое. Опустив глаза, Каз увидел девушку примерно своего возраста. Она была настолько обычной, что казалась странной.

Каз привык почти никогда не снимать капюшон, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимания. Его русые волосы едва прикрывали уши и слегка завивались на кончиках. Темно-зеленые глаза были тоже непримечательными — достаточно непримечательными, чтобы привлечь внимание в Ночном Базаре, особенно тех, кто находился здесь впервые. Практически все местные за шестнадцать лет привыкли принимать парня за своего, но оставались и те, кто считал, что человеку среди ночных торговцев не место.

Девочка растерянно сидела на земле и тяжело дышала — видимо, упала после столкновения с крепким Казом.

— Тебе нужно быть осторожнее, — сказал он.

— А тебе — не сбивать девушек с ног.

Каз не нашелся что ответить. Обвинения казались абсолютно нелогичными: странная девушка сама была виновата в падении из-за невнимательности.

Она встала, одарив Каза обвиняющим и недовольным взглядом светлых глаз. Отряхнувшись от грязи и земли и больше не сказав ни слова, она побежала прочь.

Ее одежда показалась Казу необычной. Раньше он не видел девушек, настолько просто одетых. В Ночном Базаре носили балахоны, широкие и просторные, скрывая лица, возраст и пол. Девушки же в основном предпочитали широкие и длинные, до пола, юбки с глубокими карманами — но не штаны. И уж точно — не *такие*.

Но эта незнакомка была другой. Странной. И похожей на Каза. Но, сказав себе, что лучше об этом не думать, потому что, скорее всего, с ней он больше не встретится, парень постарался выбросить мысли о незнакомке из головы.

Каз поправил капюшон и снова скрылся в толпе. Он предпочитал оставаться незамеченным, особенно когда направляется с украденным к Холду — к единственному, кому мог доверять. Именно Холд принял Каза в мир Ночного Базара, когда мальчик очутился здесь.

В Ночном Базаре никто не лгал. Это не было запрещено, а над совравшим не висела угроза — нет, ложь не наказывалась. Она просто не происходила.

Можно было сказать как есть, или уклониться от ответа, или не говорить вовсе — но, лишь соберись кто-то слушавить, рот — даже если это рот мага — начинал неметь и не мог произнести ни полслова неправды. Таково было одно из правил Ночного Базара, который, словно живое существо, сам устанавливал нерушимый порядок.

Да, в мире торговцев ночи никто не мог лгать.

Кроме Каза.

Холд слишком заботился о парнишке. В Ночном Базаре считается, что, если тебя оставили в покое и не убили, судьба уже и так благосклонна и щедра. Но Холд не только не убил бездомного Каза, но и приютил, и дал новое имя, и взялся обучать, и вырастил. Да, демон использовал парня, получая немало прибыли от ловких детских рук, способных стащить практически что угодно, но Каз все равно ощущал бремя долга. В том числе и потому, что подозревал: демон мягок с ним не только из-за пользы, которую приносил парнишка своим воровским талантом. Демон нередко называл воспитание человеческого мальчика «отличным вложением», намекая на собственную прагматичность, но Каз чувствовал, что это далеко не все, что движет демоном, — хоть тот и никогда в этом не признается.

— Я заплачу тебе за доброту, — сказал как-то Каз Холду.

— Это не доброта. Я использую тебя, ты — меня.

— Но ты даешь мне больше, чем могу дать тебе я. Эта сделка неравноценная. И потому я заплачу тебе, когда придет время.

Холд пожал плечами и не ответил, потому что знал: упряма не переубедить — сам таким его вырастил.

Итак, Каз был мальчиком, воспитанным демоном, и единственным человеком, живущим в Ночном Базаре. Он

служил посредником между ним и человеческим миром. Таких, как он, проходивших между мирами, называли проходниками. Торговцы Ночного Базара нанимали их, чтобы продавать безделушки или снадобья доверчивым людям, готовым хорошо заплатить.

Проходников было крайне, даже удивительно мало, и ценились они, будучи единственными связующими между клиентом и продавцом, неимоверно высоко. За их способность проникать в другой мир, чтобы передать товар и затем вернуться с прибылью к торговцу-заказчику, всегда прилично платили.

Каз много раз по долгу службы пробирался в мир людей, далекий и совершенно чуждый. Обычно парень встречался с кем-то на окраине леса и возвращался через невидимую человеком завесу обратно, даже не успев рассмотреть окрестности. Ночной Базар был его настоящим домом, хоть это слово и сложно применить к полному опасностей миру нечисти. Но мир людей давно оттолкнул Каза, причинив ему страшную боль, сделав его сиротой, а здесь все давно стало родным и близким по духу — весь этот торг ночи напролет под серебряным солнцем, жуткие существа, магия, зелья, сделки и сухие разговоры по существу дела.

Каз раздвинул плотную ткань полога шатра и вошел. Демон стоял и рассматривал старую книгу, быстро перелистывая. Остальные штук тридцать валялись на полу у его ног. Чаще всего от демона пахло лемонграссом и мокрым деревом, будто впитавшим в себя дождь. Одежда Холда была не новая — новое он не жаловал. Сколько Каз его помнил, демон одевался в холщовую рубашку и коричневую накидку, бока которой были расшиты золотыми нитями и грубыми бусинами из какого-то матового голубого минерала. Вместо пояса — зеленая атласная лента. В нагрудном кармане рубашки — платок. Платки он, впрочем, менял — в отличие от рубашки — часто. Холд был довольно высок, его

глаза — самые обычные, темно-карие, волосы — черные, небрежно убранные в хвост. Только острые когти и кожа с фиолетовым отливом выдавали в нем демона.

— Сегодня был хороший улов, — сообщил Каз, раскрывая ладонь и показывая хозяину шатра украденное.

Холд искал одну вещь и надеялся, что она однажды окажется у проходника. Казу, как и любому другому здесь, было несложно найти курьера, мигрирующего между мирами, — к тому же их было так мало, что они всегда были на виду и выделялись своей неброской одеждой, которую носили, чтобы затеряться в мире людей.

— Меня не интересует, сколько карманов ты обчистил сегодня, — буркнул демон, не отрываясь от книги. — Ты принес то, что я просил?

— Если я не буду притаскивать золото, как ты проживешь, старый демон?

— Пусть старый, но все же демон.

Холд улыбнулся, и это было ужасающе — как всегда, когда он так гримасничал. Каз предпочитал не смотреть на демона, когда тот растягивал мышцы лица в это гротескное подобие улыбки, — уж больно жутко. Если Холд желал, он мог на короткое время менять свою внешность — как сейчас, удлинняя и заостряя зубы, превращая их в жуткие клыки.

— Принес, — коротко отозвался Каз. — Но не понимаю смысла. Эта безделушка стоит не больше двух золотых, а камень — и того меньше: его даже разглядеть невозможно без лупы.

Холд промолчал, рассматривая вещицу, и положил добычу на свой стол. Каз не задумывался о причинах, по которым демон страстно искал все предметы, похожие на этот: старик часто увлекался погоней за чем-то таким, на что любой другой и не взглянет. Вот и сейчас уже несколько лет Холд собирал информацию по крупицам. Слухи, сложенные воедино, превращались в нечто ясное, наводящее на след.

Он достал из ящика на полу старый молоток и ударил им по кулону — тот распался надвое.

— Не то! — зарычал демон. — Всего лишь жалкая подделка. Очередная. Значит, слухи все же верны... Его не найти в Ночном Базаре. — Холд повернулся к Казу и добавил: — Пришло время выплатить долг.

Плечи Каза напряглись, он посмотрел в темные глаза демона, который пророчески произнес:

— Тебе придется вернуться в мир людей, мой смертный мальчик.

ГЛАВА 2

Али привыкла к неприятностям, которые всегда сопровождали ее. Сложно было поверить, что хоть один день сможет пройти без приключений. Этот — точно нет: он начался не лучше предыдущих.

Али лежала ничком на земле в узком переулке, ее тело болело, разбитое лицо и губы саднили, а руки, крепко стянутые за спиной, затекли от тугих веревок. Эти мошенники бросили ее, лишь раздался голос хозяина лавки, в которой они пытались украсть пару яблок и ветчину. Когда спятивший от ярости торговец настиг девушку, Али уже была одна, а соратников и след простыл. Мужчина схватил девчонку, связал и уволок, угрожая сдать охране или, того хуже, отрубить ее наглые пальцы, чтобы она и помыслить больше не могла о воровстве.

Али уже давно выучила: чем больше брыкаешься, тем больше злишь. Вот и сейчас она предпочла не сопротивляться. Даже когда торговец несколько раз ударил ее по лицу и она ощутила кровь на своих губах, застывших в ухмылке. Даже когда ее, избитую, жестко толкнули и она со связанными за спиной руками рухнула на землю, болезненно приложившись.

Али, можно сказать, привыкла к такому. Это участь любого вора, особенно — не умеющего воровать. Особенно если воровство — способ выжить. С малых лет ей приходилось добывать себе еду и воду. Но руки девочки даже спустя годы тренировок так и не превратились в руки вора. Зато было кое-что другое, в чем ей не было равных. Али превосходно умела молчать.

Банальный и примитивный навык, и, на первый взгляд, абсолютно ненужный. Искусно воровать в мире, в котором жила Али, было куда лучше. Но ей был дан только талант молчания.

Добыть информацию или сведения — одно дело, а вот сохранить — совершенно другое. Многие говорят за деньги и продают подслушанное за выпивку или услугу. Знать что-то бывает полезно, а бывает и опасно. Всегда есть и будет риск, что ты не единственный, кто хочет располагать этими знаниями. И тогда их непременно попытаются из тебя достать. И вот тут-то и оказывается, что мало кто может молчать несмотря ни на что. Поэтому люди не самый надежный способ хранения информации. Можно даже сказать, худший.

Некоторые из тех, кто хочет сохранить свои секреты, многое готовы отдать за молчание. Али столько времени проводила на улицах, что могла ходить по ним с закрытыми глазами и, конечно, знала самые темные и грязные их уголки. Умело прячась в сырых тенях, она подслушивала шепот, которым глупые люди доверяют друг другу сокровенное. Но сокровенное переставало быть таковым, когда девочка заполучала эти тайны, делала своими и надежно хранила в своей голове. До лучших времен. Пока не найдется заинтересованный покупатель.

Когда разгневанный торговец отходил Али и бросил около лавки, она кое-как высвободила руки из веревок, как уже приновилась делать, и направилась к Илиссе.

Он поможет залечить раны, параллельно журуя за неудачный улов и выбор товарищей. Илисс был не просто знакомым — он растил девочку ровно столько, сколько она себя знала *такой*. Ей уже давно казалось, что ее жизнь началась не с рождения, а с момента, когда холодные улицы стали домом.

Человек по имени Илисс был всегда рядом и, когда ей приходилось падать, каждый раз поднимал. Умывал лицо от грязи и делился едой, которой было так мало, что не хватало даже на одного. Бездетному Илиссу было около тридцати пяти, но выглядел он старше. Он владел местным трактором, где собирались все алчные горожане.

Али зашла в трактир, давно ставший родным, и огляделась. Как всегда, много народа, а вместе с ним — и шума. Да, незаметно пройти будет сложно.

Трактир был не в лучшем виде, но его атмосфера пригласила Али по душе сразу, в первое посещение. Скрипучие ступеньки, ходить по которым нужно очень осторожно, чтобы не провалиться и не сломать себе чего-нибудь лишний раз. А вот к запаху Али не могла притерпеться неделями. Казалось, легкие сдавливает от тяжести воздуха, если он вообще здесь был. Но со временем девочка привыкла и смогла дышать полной грудью.

Посетители трактира были ему под стать. Первая половина предпочитала выпивать молча, а вторая не могла заткнуться и болтала обо всем, что видела. Бокал за бокалом — и клиент расскажет буквально все. Были и постоянные гости, которые приносили полезную информацию и охотно расставались с ней за определенную плату.

Али казалось, что она никогда не знала дома лучше. Трактир был родным, дарил чувство безопасности, столь редкое для уличной воровки.

— Али! — окликнул мерзкий и, к сожалению, знакомый голос.

За спиной девочки оказался Бил — странный и скользкий человек, который торговал нелегальным товаром. Конечно, каждый из них выживал и далеко не всегда мог следовать закону. Им, жителям улицы, не были знакомы слова «честь» и «порядок». Но Бил не просто нарушал законы и не следовал правилам — он переходил черту. Многие сторонились его и предпочитали не связываться. Другие говорили, что его руки так часто бывают в крови, что она въелась в них, окрасив в алый.

Он действовал грязно. Убивал, но любил сначала помучить. Торговал наемниками, которых было немало, ведь за убийства всегда хорошо платили — был бы заказчик. И Бил был таким человеком, который этих заказчиков искал.

— Черт, — пробормотала Али под нос.

— Что ты сказала? Рада меня видеть?

— Еще как! Бил, я всегда рада лицезреть твою ро... лицо в этом заведении. Ты же знаешь.

— Мне кажется, ты лжешь.

— Если знаешь, зачем задаешь тупые вопросы? Переходи к делу. Что тебе нужно в нашем с Илиссом доме?

— Ты называешь этот старый и протертый до дыр трактир домом? — Бил громко засмеялся, не пытаясь скрыть презрения.

— Да, считаю. У меня по крайней мере есть место, куда я всегда могу вернуться.

— Как знаешь, малышка. Хочешь считать эту дыру, в которой распивают пиво и болтают о дешевых женщинах, своим домом — пожалуйста. Но я по делу. Мне нужна твоя неболтливость, чтобы доставить информацию.

— Почему я?

— Потому что любой другой при удобной возможности продаст ее — и будет прав. За нее можно получить столько золота, сколько хватит на всю жизнь. Но проблема в том, что я и сам желаю получить вознаграждение за эту тайну,

что уже унесла много жизней тех, кто имел смелость обладать ею. Ты надежная, не болтаешь. Я уверен, ты доставишь мое послание.

— О чем ты говоришь?

— О тайне, за которую ты получишь столько денег, что сможешь отдать все долги — и еще останется.

— Что ты можешь знать о моих долгах?

— О, милочка. Они есть у всех. У все-е-ех.

Али напряглась всем телом. Илису она и вправду была по-настоящему должна. Она всегда чувствовала, что обязана ему слишком многим: едой, которой он с ней делился; приютом, где могла проводить ночи; одеждой, которую носила, и жизнью, которой не хватит, чтобы успеть за все это расплатиться.

Это всегда тяготило Али. Илисс говорил, что она ничего и никогда не будет должна ему. Но девочка чувствовала, что это не так. Она знала, что, пока не заплатит сполна за все, что этот человек для нее сделал, не сможет спокойно жить. Не сможет стать свободной.

И не сможет покинуть это место.

— Что мне нужно сделать? — спросила она Била.

— Всего лишь передать информацию и не открывать рот раньше времени. Эта тайна должна попасть только в одни руки.

Али кивнула в сторону лестницы, показав направление. Среди всех этих людей, которые посещают трактир Илисса, нельзя было говорить. Слишком большая вероятность, что каждое слово слышат даже за самыми дальними столиками.

Бил с Али поднялись на второй этаж. Самая последняя дверь вела в комнату Илисса, а вот первая — к Али. Туда она и пригласила войти гостя.

Билу никогда не требовалось особое разрешение, чтобы начать разговор.

— То, что я собираюсь доверить тебе, нельзя передать письмом: могут забрать, украсть, прочесть. Любой носитель несет опасность и риск. Любой, кроме твоей головы. Я расскажу тебе один секрет, а ты принесешь его одному знатному человеку. И откроешь, как только останетесь наедине. Узнай это кто-то другой, помимо оговоренного лица, тебя убьют мои наемники, которые будут следить за тобой. Все понятно?

Али кивнула, и Бил продолжил.

Он поведал ей о Ночном Базаре — месте, куда уходят тайны и откуда они берутся. О вещах, что продаются там. Таких не видел ни один человек, потому что попасть туда... невозможно. Обычный человек никогда не сможет увидеть Ночной Базар, если этот мир сам того не захочет, — пройдет мимо, не заметив. Лишь холодок коснется плеч.

Магия. Это была самая настоящая магия. Пробирающая до дрожи, поглощающая.

Впрочем, слухи о людях, побывавших в Ночном Базаре, прикасавшихся к таким диковинам, о каких и не помыслить, все-таки ходили.

— Говорят, — продолжил Бил, — им не удавалось выйти. А если и удавалось, то они забывали себя, теряли разум. Я не знаю никого, кто вошел бы и вышел с тем, за чем приходил.

— Это сказки. Ты же понимаешь? — Али это казалось глупостью. Они жили в реальном мире, наполненном жестокостью. Существой магия, ей не приходилось бы выживать, сражаться за каждый день в попытке найти свое место среди прочих. Нет, магии не бывает. Мир, в котором жила и выросла Али, состоял только из грубой силы.

— Ты ошибаешься, девчонка. Ночной Базар существует, и некто, кого называют Графом, очень желает получить кое-что оттуда. Но никто не знает, как человеку попасть в Ночной Базар — и тем более как вернуться обратно.

Никто — кроме меня. Я долгие годы сводил воедино тысячи слухов, обрывки легенд и нечаянно оброненные лишние слова, чтобы стать единственным в мире людей владельцем этого знания. Так что просто слушай и запоминай: дойдешь до Долины ветра — остановись. Куда подует ветер, туда и держи путь. Не ищи, а иди без цели. Как ветер утихнет, истощи свое тело, ибо Базар впустит нуждающегося, а не проходимца. Когда соберешься обратно, помни: самой уйти не выйдет — Базар не позволит. А если и позволит, то без памяти и рассудка. Кто-то местный должен проводить тебя до границы и выйти с тобой.

— Бред.

— Тебе не обязательно верить. Просто запомни. И передай это получателю ровно так, как я рассказал.

— А перед этим я хочу получить свое вознаграждение.

— Ты, наверное, хотела сказать «после этого»?

— Нет. Деньги вперед.

Бил недобро улыбнулся и вытащил из нагрудного кармана завязанный черной лентой мешок, звенящий монетами.

— Здесь пять процентов. Остальное получишь после. Это не обсуждается.

— Сойдет. А теперь — где мне искать этого... Графа?

Мужчина достал из куртки запечатанное письмо и протянул его Али. Она повертела его в руках и заметила, что на обратной стороне нарисована карта.

— Доберись до указанного места. И иди с письмом во дворец. Покажешь его — сразу пропустят к Графу. Только не вздумай открывать. Сломаешь сургуч — пути к клиенту не будет: стража подумает, что ты воровка с подделкой, и кинет тебя в каземат до конца жизни.

Но последние слова Била будто бы уже не очень интересовали Али. Она всматривалась в карту.

— Где это? Я такого раньше не видела. Она приведет меня к Графу?

Бил не ответил. Внизу послышался шум, который способен издавать только один человек. Человек, чьи шаги Али услышит при любом шорохе, узнает среди многих других. Владелец таверны вернулся домой.

ГЛАВА 3

Казу не удавалась уснуть, сколько бы он ни пытался. Подушка впервые казалась такой жесткой, а одеяло — недостаточно теплым. Лезли посторонние мысли и раз за разом возвращались к словам Холда. Разозлившись на то, что не хватает сил усмирить собственную голову, Каз откинул одеяло и встал с кровати. Нужно пройтись и привести разум в порядок. Все равно о сне можно уже больше и не мечтать.

— Черт бы тебя подрал, старый демон! — в гневе бросил парень. — Я уже говорил тебе, что не собираюсь возвращаться!

Даже не дав Холду, которого он вырвал из чтения своим окриком, возможности объясниться, Каз набросил черную накидку с большим капюшоном, закрывающим половину лица, и вылетел из шатра. Парень не желал ничего слушать. Тот мир был чужим для него, а Ночной Базар — домом. Каз отказался от человеческого мира, и он отказался от Каза.

Он хотел все забыть, но разве память спрашивает разрешения?

Казу было четыре. Ветер беспощадно хлестал по лицу и мешал идти. Какая-то женщина — вероятно, мать — прижимала к себе, укрывая от холода. Она несла малыша в самую даль леса, ступая по ветвям, которые цеплялись за ее голые ступни, царапая кожу до крови.

Казалось, сама природа мешала женщине двигаться вперед, но она уже не могла отказаться от принятого решения. И вот она в густой чаще, куда не проникало

